

При использовании материалов статьи необходимо использовать данную ссылку:

Салихов Б.В., Крючкова В.С. Императив инновационного развития страны как необходимость преодоления стагнации экономики // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования. 2021. № 1 (59). С. 126-134

УДК 330.3

ИМПЕРАТИВ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ КАК НЕОБХОДИМОСТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТАГНАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Салихов Б.В., Крючкова В.С.

В статье обосновывается положение о том, что без профилактики условий и преодоления факторов стагнации современной отечественной экономики, обеспечить «сдвиг парадигмы» в сторону инновационного развития объективно не представляется возможным. Императив нового качества хозяйственной динамики предстает как глубокое осмысление системных провалов действующей политэкономической модели, идеологии и практики затянувшегося в стране переходного периода. В связи с этим, методологическим основанием исследования является системный и междисциплинарный подход к выявлению причин стагнации отечественной экономики. Использован эвристический потенциал единства качественного и количественного анализа, а также таких парных категорий диалектики как «общее и особенное», «причина и следствие», «возможность и действительность» в логико-гносеологической ретроспективе специфики отечественного социально-экономического развития. Новизна выводов статьи заключается, во-первых, в системном обосновании стагнации российской экономики как функции идеологии и практики монетарной формы либерализма; во-вторых, в доказательстве необходимости ускоренного преодоления отраслевой архаики и качественного обновления структуры экономики в пользу когнитивных и наукоемких ее секторов; в-третьих, в выводе об императиве создания социально-экономической коалиции для инноваций, где ключевая роль должна быть отведена среднему классу. Научно-практическое значение статьи заключается в обосновании императива разработки «механизма антистагнации» отечественной экономики, что позволит не только предотвратить ее деструкцию, но и обеспечит переход на путь инновационной динамики.

Ключевые слова: экономический рост, стагнация экономики, факторы неустойчивого развития, архаичная структура хозяйства, средний класс, инновационное развитие.

ВВЕДЕНИЕ

Императив инновационного развития нашей страны с абсолютной необходимостью предполагает формирование нового релевантного качества политэкономической и, возможно, социокультурной модели. Действующая идеологическая («вашингтонский консенсус») и методологическая (монетарная форма либерализма) парадигма весьма убедительно доказала свою научно-практическую несостоятельность [1]. В связи с этим, предпринимаемые попытки реанимировать

экономику в рамках неизменных «правил игры» не только не приводят к ожидаемому экономическому росту, но лишь усугубляют деструктивные эффекты уже работающего на полную «мощность» механизма торможения, превращающегося в механизм системной стагнации и растущей неустойчивости, о чем уже немало сказано в соответствующей литературе [1,

Салихов Борис Варисович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры теории регионоведения Московского государственного лингвистического университета, SPIN-код: 3045-0730, AuthorID: 428166

Москва

Крючкова Вероника Сергеевна, старший преподаватель кафедры теории регионоведения Московского государственного лингвистического университета, SPIN-код: 3345-0025, AuthorID: 955105

Москва

2]. Весьма убедительным представляется результат историко-экономического взгляда на проблему (таблица 1), характеризующий среднегодовые темпы роста ВВП в нашей стране за определенный советский период (1928-1985 гг.), включающий Великую Отечественную войну с ее чудовищными потерями созидательного капитала, и за период новейшей монетарно-либеральной истории (1991-2014 гг.), в составе которых были и сложнейшие проблемы (трансформационный и финансовый кризис), но были и «тучные годы» с чрезвычайно высокими ценами на энергоресурсы.

Таблица 1.

Среднегодовые темпы роста ВВП в советский (1928-1985) и трансформационный (1990-2014) период [4, с. 148]

Период	Среднегодовой темп роста ВВП
Советский период (1928-1985 гг.)	4,2%
Современный период (1990-2014 гг.)	0,7%

Разница в темпах роста ВВП не только неприятно впечатляет, но и обязывает задать множество вопросов, главный из которых, очевидно, связан с релевантностью содержания проводимых рыночных «реформ» действительным императивам развития нашей страны. Отсюда *гипотезой исследования* является предположение о том, что в рамках существующего монетарно-либерального концепта (не либерального концепта как такового, а именно его *монетарной формы*, что принципиально и критически важно) обеспечить поступательное и, более того, прогрессивное развитие нашей страны более не представляется возможным. Следовательно, *цель статьи* заключается в комплексном обосновании необходимости качественного обновления методологической, научно-практической и управленческой парадигмы современного развития отечественной экономики.

Предполагается, что доказательство гипотезы и достижение цели исследования требует решения, как минимум, следующих аналитических и взаимосвязанных задач. *Во-первых*, необходимо выявить факторы торможения и, далее, нарастающей системной деструкции современной отечественной экономики, что обуславливает осуществление качественной и количественной оценки, сложившейся в стране социально-экономической ситуации. При этом критически важно не пытаться искать оправданий в начавшейся в мире

и стране известной пандемии, поскольку перманентное падение реальных доходов населения продолжается уже несколько лет [5]. *Во-вторых*, важным представляется дать онтологическую, сущностную характеристику ситуации: является ли торможение и начавшаяся стагнация управленческой «случайной ошибкой», или это закономерный результат сознательно реализованной логики в рамках разработки и последующей имплантации в хозяйственную практику соответствующих решений, или «правил игры». *В-третьих*, следует также кратко оценить возможности преодоления сложившейся социально-экономической ситуации, причем с учетом реальной готовности конкретных производительных классов экономического социума.

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА ТОРМОЖЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Изначально следует отметить мифический характер планов по достижению к середине 20-х годов темпов роста ВВП в 4% с последующим превышением аналогичного мирового показателя при одновременном вхождении отечественной экономики в число пяти крупнейших национальных хозяйств [6, с. 14]. К сожалению, ни один сколько-нибудь обоснованный «допандемический» прогноз долгосрочного (примерно 5-8 лет) социально-экономического развития нашей страны, никак не обозначил приближения к намеченным рубежам. Даже без учета негативных последствий пандемии, к 2021 году темп прироста ВВП составляет менее двух процентов (таблица 2).

Таблица 2.

Базовый сценарий прогноза развития российской экономики [3, с. 7]

Показатель	Прогноз		
	2019	2020	2021
Цена нефти Urals долл./барр.	68,0	64,6	62,6
Реальный ВВП, % прироста	1,3	1,6	1,9
Инвестиции, % прироста	2,0	2,4	2,5
Реальная зарплата, % прироста	1,5	1,8	1,9
Инфляция (в среднем за год), %	5,1	4,1	4,1

При этом отнюдь не впечатляют оценки, прежде всего, потенциального роста отечественной экономики, под которым следует понимать долгосрочный рост реального ВВП в условиях полной занятости при естественном уровне безработицы. Как известно,

потенциальный рост имеет место в условиях наиболее эффективного и полного (в экономическом смысле) использования всех факторов производства, причем это рост, не создающий инфляционного напряжения и не вызывающий социально-экономическую дестабилизацию. Оценки потенциального роста ВВП в России, как свидетельствуют данные таблицы 3, представлены в интервале 0,5-1,8 % в год, то есть в 1,2% в год, что, конечно же, никак не может считаться общественно нормальным уровнем. Естественно, требуется предметный анализ причин такой ситуации, без чего невозможна разработка адекватных мер по исправлению данного положения.

Таблица 3.

Оценки потенциального роста реального ВВП в России [7, с. 7]

Организация	Оценка роста потенциального выпуска %	Дата публикации и оценки
Альфа-Банк	0,5-1,0	декабрь 2015
Всемирный банк	1,3-1,7	декабрь 2018
Институт Гайдара	1,5-1,8	2018
МВФ	1,5	сентябрь 2018
ОЭСР	0,5	май 2018
ЦБ РФ	1,5	2017
Среднее значение	1,2	-

Как следует из анализа релевантной литературы, низкие темпы роста потенциального ВВП в существенной степени определяются системой факторов замедления фактического экономического роста: деструкцией человеческого, вещественного, природного и технологического капитала, что не привело к положительной динамике совокупной факторной производительности (СФП) [8]. Отсюда и низкий уровень конкурентоспособности: ценовой, технологической, когнитивной (научно-образовательной), институциональной и, в конечном счете, отсутствие экономико-идеологической и ценностно-смысловой привлекательности отечественной модели развития.

Деструкция человеческого капитала обуславливается, во-первых, очень слабой конкуренцией на одноименном рынке (рынке труда), что отнюдь не способствует высокоэффективной реаллокации человеческих

ресурсов и соответствующих творчески-трудовых компетенций. Слабость названной конкуренции вызвана, прежде всего, архаичной структурой экономики и низким качеством институционального капитала, не обеспечивающего «тонкую настройку» производства человеческого капитала и его последующего использования, что привело, по сути, к *кризису перепроизводства человеческого капитала* в нашей стране, по сути, к его системной «ненужности» экономике. *Во-вторых*, складывается неблагоприятная демографическая ситуация: численность населения в трудоспособном возрасте (16-65 лет) сокращается (со 103 млн. чел. в 2010 г. до 98 млн. в 2017 г.), а доля населения старше 65 лет увеличивается (с 24% в 2010 г. до 28% в 2017 г.), и эта тенденция только нарастает. *В-третьих*, формируется и усугубляется низкоэффективная структура занятости в отечественной экономике: более 31% трудоспособного населения работает в государственном секторе, не заключающем в себе требуемого для «креативного прорыва» потенциала инновационности и конкурентоспособности; от 20 до 40% (по разным оценкам) работают в неформальном секторе национальной экономики (бюджет теряет огромные финансовые ресурсы в форме недополученных налогов и других платежей); при этом неформальная занятость все больше охватывает старшие группы населения, высокообразованных и квалифицированных специалистов [7, с. 9-10].

В свою очередь, вещественный, или «основной» капитал характеризуется, *во-первых*, низким уровнем инвестиций в основные фонды (в 2018 году доля этих инвестиций к ВВП составила 23%, тогда как в Южной Корее, например, эта доля составляет более 31% ВВП); в целом за 2008-2018 гг. инвестиции в вещественный капитал показали отрицательную динамику, сократившись на 0,3 процента. *Во-вторых*, имеет место прогрессирующая отрицательная структура производственных инвестиций: их доля в машины и оборудование с 2013 г. по 2017 г. сократилась с 39 до 34%, что «замораживает» рост производительности труда. *В-третьих*, падающая эффективность российской экономики и спад ВВП непосредственно определяются отставанием нашей страны от других государств в сфере инвестиций в нематериальные активы, или в объекты интеллектуальной собственности; если в странах ОЭСР на финансирование нематериальных активов направляется 10% всех инвестиций, то в российской экономике – всего 3%. *В-четвертых*, в российской экономике

сравнительно невысокий показатель накопленного вещественного капитала, который в 2000-2014 гг. составил в среднем 220% ВВП, что на одну треть меньше, чем, например, в США. [7, с. 7-9].

Кроме того, спрос на деньги в отечественной экономике остается хронически невысоким, вследствие высокой ключевой ставки и, следовательно, ставки по кредитам предприятиям, что сдерживает инвестиционную активность и экономический рост (таблица 4). При этом отрицательные значения рентабельности в машиностроении свидетельствуют, как минимум, об отсутствии государственной промышленной политики и, релевантной требованиям инновационного развития, промышленной стратегии.

Таблица 4.

Рентабельность оборотного капитала в ряде секторов российской экономики, июнь 2018 г. (в %) [9, с. 50]

Сектор экономики	Рентабельность
Электроэнергетика	12,0
Пищевая промышленность	10,0
Средняя ставка по кредитам	8,6
Торговля	8,0
Электрооборудование	7,0
Строительство	6,2
Стройматериалы	5,4
Железнодорожное машиностроение судо- и авиастроение	-1,3
Машины и оборудование	-3,6

Растущие проблемы с технологическим капиталом и совокупной факторной производительностью связаны, во-первых, с «фрагментарная» и даже «затухающей» инновационностью деятельности отечественных предприятий: по итогам 2016 г. среди всех отечественных предприятий только 8% были вовлечены в инновационную деятельность, а в странах ЕС таких предприятий было почти 60%. Во-вторых, в нашей экономике катастрофически низкий вклад информационных технологий в ВВП: всего 5%, тогда как в других развивающихся странах он составляет 8-13%. В-третьих, отсутствие масштабных инноваций приводит к тому, что растет интенсивность, напряженность и продолжительность труда на отечественных предприятиях: россияне в 2017 г. работали на 10% дольше, чем американцы, но даже в этом случае производительность труда в нашей экономике

сегодня составляет лишь 40% от производительности труда в экономике США [7, с. 11]. Интегрально деструкция производительного капитала в отечественной экономике обусловлена ее архаичной структурой, что привело к *деградации структурного компонента роста ВВП* (таблица 5).

Таблица 5.

Декомпозиция темпов роста российской экономики [10, с. 21-26]

Показатель	2000-2014	2015-2017	2018-2020
Структурная компонента (вклад в ВВП структуры экономики)	5,0-5,5	0,5-0,9	0,5-0,9
Внешнеторговая компонента (вклад в ВВП внешней торговли)	2,5	-1,0	-1,0
Конъюнктурная компонента (вклад в ВВП деловой цикла, институтов и др.)	-4,0 (фаза спада)	0 (фаза оживления)	1,2 (фаза подъема)
Среднегодовой темп роста ВВП	3,5-4,0	-0,5	1,1

Так, если в 2000-2014 гг. структурная компонента вносила не только большой, но и решающий вклад в рост ВВП, то с 2015 года по настоящее время этот вклад менее одного процента. Резонно отметить, что длительное замедление структурных темпов роста ВВП едва ли обеспечит реализацию даже консервативного сценария отечественной экономики; при этом общие темпы роста ВВП могут быть ниже, чем среднее значение сценариев роста ВВП, показанных в табл. 2 и 3. Это лишь свидетельствует о «консервации» и длительности тренда неустойчивого и, по сути, регрессивного социально-экономического развития нашей страны. Таким образом, в сфере инновационности и инвестиций в развитие человеческого вещественного и технологического капитала, а также производительности творчески-трудовой деятельности, Россия не только отстает от стран-лидеров, но, по сути, не показывает признаков

догоняющего развития; имеет место абсолютная и относительная деструкция отечественной социально-экономической и в целом хозяйственной системы.

КАЧЕСТВЕННАЯ РЕТРОСПЕКТИВА ФАКТОРОВ МЕХАНИЗМА ТОРМОЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ХОЗЯЙСТВА

Исследователи указывают иерархию основных факторов, ограничивающих экономический рост и «удлиняющих» инвестиционную и инновационную «паузу»: высокую степень неопределенности дальнейшего развития экономической ситуации (растет «индекс страха»: RVI – российский индекс волатильности Московской Биржи в условиях возникновения феномена «нехеджируемой неопределенности»); недостаточный спрос внутри страны (как следствие хронически низких ставок заработной платы с возникновением явления «работающих бедных» при попадании домохозяйств в «ловушку бедности»); высокий уровень налогообложения и высокие ставки по кредитам; недостаточный спрос на отечественную продукцию за рубежом. Здесь же отмечается чрезвычайно низкий уровень эффективности бюрократии как системная причина социально-экономической стагнации [3, с. 17]. Отмеченная низкая эффективность связана, прежде всего, с идеологическим выбором отечественной политико-экономической элиты в пользу «вашингтонского консенсуса» при российской специфике реализации его основных постулатов. Основой этой специфики явилась либерализация рынков, опередившая либерализацию экономики, а также «скоростная» приватизация общей собственности, которая привела к утрате обществом своего гражданского суверенитета.

Анализ релевантной литературы позволяет выделить, прежде всего, *общие и структурно-институциональные факторы* деструкции отечественного социально-экономического развития [3, 7, 10, 11]. К разряду общих факторов следует отнести, *во-первых*, безусловный приоритет монетарно-либеральных ценностей и смыслов, что закономерно привело к масштабной финансиализации (образно говоря, «финансиализации как радиации») всей системы хозяйственных отношений. Это явилось глубинным основанием развития коррупции, причем с использованием властных функций государства, а также создания мощного сектора «бесполезной» экономики, не создающей реальных ценностей для личности и общества. *Во-вторых*, идеология и практика монетаризма,

основанная на «этатистской» институциональная история страны и одноименном национальном менталитете, объективно обусловила низкое качество расширенно воссоздаваемого институционального капитала при постоянно падающей эффективной бюрократии.

В-третьих, углубляющееся социально-экономическое неравенство и дальнейшая системная деструкция человеческого капитала при падающем спросе на интеллектуальный и креативный капитал на всех уровнях хозяйственных отношений, что, в свою очередь, привело к деградации экономики неявного знания (деструкция фундаментальной науки и национальной системы образования, что уже давно не является дискуссионным). Абсолютно пророческими являются слова Дж. Кейнса о том, что «наиболее значительными пороками экономического общества, в котором мы живем, являются его неспособность обеспечить полную занятость, а также его произвольное и несправедливое распределение богатства и доходов» [12, с. 341]. Резонно отметить, что именно углубляющееся социально-экономическое неравенство, прогрессирующая бедность, примитивизация человеческого капитала, неопределенность и нехеджируемые риски, системное институциональное и общее недоверие расширенно воссоздают национальный и региональный пессимизм.

К перечню структурно-институциональных факторов деструкции и неустойчивости российской экономики следует, *во-первых*, отнести политизированную структуру собственности, где в «правилах о правилах» не конституирована система ее личной и общественной формы. При этом именно господство этатристической системы власти-собственности закономерно предопределило крайне низкую эффективность отечественной государственной бюрократии. *Во-вторых*, в хозяйстве нашей страны по-прежнему воссоздается приоритет архаической отраслевой и региональной структуры экономики (основной объект инвестирования – добывающий сектор и ОПК), что в условиях господства монетарной формы неолиберализма закономерно приводит не только к масштабному поиску «плохой» ренты, но и к разрушению природного капитала. Это приводит к системному сокращению чистых накоплений и истощению природных ресурсов, что лишает будущие поколения благоприятной среды обитания и, как следствие, достойной жизни (таблица 6).

Таблица 6.

Индикаторы устойчивости России и некоторых других стран [11, с. 151]
(2012 год – начало стагнации отечественной экономики)

Страна	Чистые накопления (% ВВП)	Доля ископаемого топлива (% от объема)	Доля возобновляемой энергии (% от объема)	Истощение природ. ресурсов (% ВВП)
Норвегия	12,8	58,6	45,3	10,6
Германия	11,4	80,1	8,9	0,1
Россия	-0,8	90,9	3,0	14,5
Китай	39,7	86,9	12,3	3,1

В-третьих, расширенно воспроизводится низкокачественная структура отечественного институционального капитала, где преобладают неформальные институты («понятия»), что привело к воспроизводству несправедливой (патримониальной) структуры экономической власти, где установились «патрон-клиентские» отношения в экономике при обмене привилегий крупному бизнесу на его лояльность к власти («прочная основа для «деловой» коррупции») [13]. *В-четвертых*, расширяется структурный «когнитивный архаизм» в форме или деструкции и подчиненного положения отраслей и сфер воспроизводства неявного знания, что, по сути, блокирует создание креативно-интеллектуального качества человеческого капитала и разрушает национальную и региональную инновационную систему. *В-пятых*, не формируется созидательная социальная структура населения страны, где особо настораживает «затухающая» динамика развития среднего класса, причем как с количественной, так и с качественной точки зрения.

С *количественной точки зрения*, системный кризис 2014–2016 гг. привел к существенному сокращению общего ресурсного потенциала, а также общих адаптационных возможностей населения страны (параметры текущих доходов и расходов, объемы и динамика сбережений, уровень материального богатства и жилищные условия, профессиональный статус и социальный капитал, уровень и динамика реально востребованного образования), что, в свою очередь вызвало сокращение численности ядра и ближайшей периферии среднего класса. По литературным данным, в современном российском обществе население с низким ресурсным потенциалом составляет примерно 40%; со средним и высоким – соответственно 40% и 20% [5, с. 82]. Существующая тенденция перманентного сокращения реальных доходов населения с низким и средним адаптивным ресурсным потенциалом свидетельствует об

«усыхании» российского среднего класса, а не о его численном увеличении, что включает в себе потенциал обострения социальных противоречий и даже политических конфликтов.

С *качественной точки зрения*, отечественный средний класс характеризуется, *во-первых*, субъективизмом в сфере, так называемой самоидентификации: в ходе социологических опросов многие индивиды причисляют себя к среднему классу исходя из статусных соображений, а не руководствуясь реальным знанием идентифицирующих факторов. Отнюдь не случайно 63% респондентов причисляют себя к среднему классу просто потому, что им хочется считать себя представителями среднего слоя общества. *Во-вторых*, отечественный средний класс характеризуется низким уровнем инновационности, что объясняется падающим спросом на высокоэффективный и инновационный человеческий капитал. Ситуация объясняется архаичной структурой нашей экономики, предъявляющей спрос на компетенции и профессии «вчерашнего дня», что едва ли открывает перспективы сохраняющемуся среднему классу трансформироваться в креативный класс общества. *В-третьих*, наш средний класс является антисозидательным, так как его представители сконцентрированы, прежде всего, в таких относительно высокодоходных и стабильных секторах, как государственное управление, финансы, силовые структуры, а не в сфере НИОКР, образовании, обрабатывающей промышленности и т.д. [5].

В силу отмеченных обстоятельств, в рамках среднего класса возникают, как минимум две новые тенденции: *во-первых*, это дальнейшее «разбегание» ядра и периферии, превращающейся в протосредние слои общества; *во-вторых*, в силу растущей социально-экономической неустойчивости, из числа среднего класса формируется новый социальный слой, получивший наименование прекариат –

увеличивающаяся часть общества, неуверенная в завтрашнем дне и вынужденная часто менять работу, специальность, регион проживания и т.д. [1]. В свете сказанного, все более очевидным представляется вывод: российский социум все глубже втягивается в «ловушку социального дисбаланса», критическим свойством которой является сокращение численности среднего класса при одновременном «размывании» качественной целостности его имманентной инновационности и созидательных характеристик. Сказанное означает, что в современных условиях в стране отсутствует многочисленный производительный класс, в лице средних слоев общества, способный к реализации императива масштабных, непрерывных и, главное, радикальных инноваций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ИМПЕРАТИВЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Критическое значение для демонтажа механизма торможения и стагнации отечественной экономики имеют следующие положения, системная реализация которых и есть «сдвиг парадигмы» в сторону инновационного вектора отечественного социально-экономического развития. Первое. В рамках «системы субъекта» требуется решительная ревизия отечественной политэкономической модели, основанной преимущественно на идеологии «вашингтонского консенсуса» и монетарной форме либерализма. Необходима разработка российской формы либеральной экономики, основанной на отечественной институциональной истории и геосоциальной идентичности нации, где важно наиболее полно учитывать социальный характер и ценностно-ментальную «карту» мышления и поведения наших соотечественников. Второе. В содержании «системы проекта» должна четко фиксироваться гуманистическая, ноосферная экономика и в целом креативно-интеллектуальная цивилизация с безусловным господством созидательных идей и смыслов человеческого бытия. Реализация концепта ноосферной экономики требует новой цивилизации знаний, основанной на ускоренном и расширенном воспроизводстве систем, прежде всего, фундаментального неявного знания [14, 15].

Третье. В парадигме «системы объекта» необходим институциональный заслон развитию традиционных антиноосферных отраслей «экономики собирательства», причем с приоритетом денежного сектора и «симулякров» над созидательно-производственным сектором хозяйства. Развитие бесполезных секторов (в созидательном смысле) современной

отечественной экономики, как следствие «доверия» мифическим силам механизма конкурентного рынка, должно быть заменено на развитие креативно-интеллектуальных сфер хозяйства, основанных на воспроизводимых факторах производства. Четвертое. В «системе процесса» требуется новая *технологическая качественная целостность*, основанная на достижениях ноосферной цивилизации знаний, что обуславливает создание инклюзивных институтов, препятствующих дальнейшему развитию инерционного, именно ресурсного сценария хозяйственной динамики страны. Пятое. В «системе среды» критически значимым становится расширенное воссоздание институционального капитала («правил игры»), реализующего запрос личности и общества на справедливость, оптимизирующего социальное неравенство, ликвидирующего абсолютную бедность и, как следствие, утверждающего в социуме общенациональный оптимизм и мощный мотивационный капитал творческого созидания. **iea**

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бугалин А.В. Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 122-142.
2. Ершов М.В. Мир в 2020 году: новые проблемы обнажают системные изменения в экономике // Вопросы экономики. 2020. № 12. С. 5-24.
3. Миронов В.В. О диагностике текущего состояния российской экономики и среднесрочных перспективах ее роста // Вопросы экономики. 2019. № 2. С. 5-36.
4. Баранов Э.Ф., Бессонов В.А. Взгляд на российскую экономическую трансформацию // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 142-160. (С. 148).
5. Аврамова Е.М., Титов В.Н. Социальное развитие современной России: тенденции, риски, перспективы // Вопросы экономики. 2018. № 10. С. 76-90.
6. Медведев Д.А. Россия-2024: Стратегия социально-экономического развития // Вопросы экономики. 2018. № 10. С. 5-29.
7. Орлова Н.В., Лаврова Н.А. Потенциальный рост как отражение перспектив российской экономики // Вопросы экономики. 2019. № 4. С. 5-21.
8. Бессонова Е.В., Анализ динамики совокупной производительности факторов на российских предприятиях (2009-2015 гг.) // Вопросы экономики. 2018. № 7. С. 96-119.

9. Ершов М.В. Десять лет после глобального кризиса: риски и перспективы // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 37-54. (С. 50).
10. Дробышевский С.М., Идрисов Г.И., Каукин А.С., Павлов П.Н., Синельников-Мурылев С.Г. Декомпозиция темпов роста российской экономики в 2007-2017 гг. и прогноз на 2018-2020 гг. // Вопросы экономики. 2018. № 9. С. 5-32.
11. Бобылев С.Н., Зубаревич Н.В., Соловьева С.В. Вызовы кризиса: как измерить устойчивость развития? // Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 147-160.
12. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Гелиос АРВ, 2002. – 352 с.
13. Ореховский П.А. Право на оспаривание, патрон-клиентские сети и коррупция // Вопросы экономики. 2012. № 11. С. 101-118.
14. Салихова И.С. Императивы формирования самообучающейся организации в экономике знаний. М.: изд. ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2017. -160 с.
15. Салихов Б.В., Салихова И.С. Параметры и показатели качества самообучающихся организаций в когнитивной экономике // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2015. № 1 (12). С. 126-134.

THE IMPERATIVE OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE COUNTRY AS A NECESSITY TO OVERCOME THE STAGNATION OF THE ECONOMY

Salikhov Boris Varisovich, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Theory of Regional Studies, Moscow State Linguistic University, Moscow

Kryuchkova Veronika Sergeevna, Senior Lecturer, Department of Theory of Regional Studies, Moscow State Linguistic University, Moscow

The article substantiates the position that without the prevention of conditions and overcoming the factors of stagnation of the modern domestic economy, it is objectively impossible to provide a "paradigm shift" towards innovative development. The imperative of a new quality of economic dynamics appears as a deep understanding of the systemic failures of the current political economic model, ideology and practice of the protracted transition period in the country. In this regard, the methodological basis of the study is a systemic and interdisciplinary approach to identifying the reasons for the stagnation of the domestic economy. Used the heuristic potential of the unity of qualitative and quantitative analysis, as well as such paired categories of dialectics as "general and special", "cause and effect", "possibility and reality" in the logical and epistemological retrospective of the specifics of domestic socio-economic development. The novelty of the article's conclusions lies, first, in the systematic substantiation of the stagnation of the Russian economy as a function of the ideology and practice of the monetary form of liberalism; secondly, in proving the need to accelerate overcoming the sectoral archaic and qualitatively renewing the structure of the economy in favor of its cognitive and science-intensive sectors; third, in the conclusion about the imperative of creating a socio-economic coalition for innovation, where the key role should be assigned to the middle class. The scientific and practical significance of the article lies in substantiating the imperative of developing an "antistagnation mechanism" for the domestic economy, which will not only prevent its destruction, but also ensure the transition to the path of innovation dynamics.

Key words: economic growth, stagnation of the economy, factors of unstable development, archaic structure of the economy, middle class, innovative development

REFERENCES:

1. Buzgalin A.V. Zakat neoliberalizma (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya Karla Marksa) [*The decline of neoliberalism (to the 200th anniversary of the birth of Karl Marx)*] // Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2018. № 2. pp. 122-142.
2. Ershov M.V. Mir v 2020 godu: novye problemy obnazhayut sistemnye izmeneniya v ekonomike [*World in 2020: New Problems Expose Systemic Changes in the Economy*] // Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2020. № 12. pp. 5-24.

3. Mironov V.V. O diagnostike tekushchego sostoyaniya rossijskoj ekonomiki i srednesrochnyh perspektivah ee rosta [*On the diagnosis of the current state of the Russian economy and the medium-term prospects of its growth*] // *Voprosy ekonomiki [Economic Issues]*. 2019. № 2. pp. 5-36.
4. Baranov E.F., Bessonov V.A. Vzglyad na rossijskuyu ekonomicheskuyu transformaciyu [*A look at the Russian economic transformation*] // *Voprosy ekonomiki [Economic Issues]*. 2018. № 11. pp. 142-160. (p. 148).
5. Avraamova E.M., Titov V.N. Social'noe razvitie sovremennoj Rossii: tendencii, riski, perspektivy [*Social development of modern Russia: trends, risks, prospects*] // *Voprosy ekonomiki [Economic Issues]*. 2018. № 10. pp. 76-90.
6. Medvedev D.A. Rossiya-2024: Strategiya social'no-ekonomicheskogo razvitiya [*Russia-2024: Strategy of Socio-Economic Development*] // *Voprosy ekonomiki [Economic Issues]*. 2018. № 10. pp. 5-29.
7. Orlova N.V., Lavrova N.A. Potencial'nyj rost kak otrazhenie perspektiv rossijskoj ekonomiki [*Potential growth as a reflection of the prospects of the Russian economy*] // *Voprosy ekonomiki [Economic Issues]*. 2019. № 4. pp. 5-21.
8. Bessonova E.V., Analiz dinamiki sovokupnoj proizvoditel'nosti faktorov na rossijskih predpriyatiyah (2009-2015 gg.) [*Analysis of the dynamics of the aggregate productivity of factors at Russian enterprises (2009-2015)*] // *Voprosy ekonomiki [Economic Issues]*. 2018. № 7. pp. 96-119.
9. Ershov M.V. Desyat' let posle global'nogo krizisa: riski i perspektivy [*Ten years after the global crisis: risks and prospects*] // *Voprosy ekonomiki [Economic Issues]*. 2019. № 1. pp. 37-54. (p. 50).
10. Drobyshevskij S.M., Idrisov G.I., Kaukin A.S., Pavlov P.N., Sinel'nikov-Murylev S.G. Dekompoziciya tempov rosta rossijskoj ekonomiki v 2007-2017 gg. i prognoz na 2018-2020 gg. [*Decomposition of the growth rates of the Russian economy in 2007-2017 and forecast for 2018-2020*] // *Voprosy ekonomiki [Economic Issues]*. 2018. № 9. pp. 5-32.
11. Bobylev S.N., Zubarevich N.V., Solov'eva S.V. Vyzovy krizisa: kak izmerit' ustojchivost' razvitiya? [*Crisis Challenges: How to Measure Development Sustainability?*] // *Voprosy ekonomiki [Economic Issues]*. 2015. № 1. pp. 147-160.
12. Kejns Dzh.M. Obshchaya teoriya zanyatosti, procenta i deneg [*General theory of employment, interest and money*]. – M.: Gelios ARV, 2002. – 352 p.
13. Orekhovskij P.A. Pravo na osparivanie, patron-klientskie seti i korrupciya [*The right to challenge, patron-client networks and corruption*] // *Voprosy ekonomiki [Economic Issues]*. 2012. № 11. pp. 101-118.
14. Salihova I.S. Imperativy formirovaniya samoobuchayushchejsya organizacii v ekonomike znaniy [*Imperatives of the formation of a self-learning organization in the knowledge economy*]. M.: izd. CHOUVO «MU im. S.YU. Vitte», 2017. -160 p.
15. Salihov B.V., Salihova I.S. Parametry i pokazateli kachestva samoobuchayushchihsya organizacij v kognitivnoj ekonomike [*Parameters and indicators of the quality of self-learning organizations in cognitive economics*] // *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.YU. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie [Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Witte. Series 1: Economics and Management]*. 2015. № 1 (12). pp. 126-134.